

A large, intricate, light gray floral and scrollwork design serves as a background for the title. It features symmetrical patterns of leaves, flowers, and swirling lines, reminiscent of traditional woodcut or Art Nouveau styles.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧУ

ДЭВИД БЕЙКЕР

Книгоноша

КИЕВ 2011

Swords of Heaven

by C.D. Baker

© 2006 C.D. Baker
Published by PresronSpeed Publicarions,
51 Ridge Road, Mill Hall, Pennsylvania 1775 1.

ISBN 1-931587-45-0

Иллюстрации
Владимир Кулик

Книгоноша[™]
www.knigonosha.com

г. Киев, а/я 73, 02002
+38 067 4416345

© C.D. Baker, 2006
© Владимир Кулик (иллюстрации), 2011
© Книгоноша, 2010

В оформлении обложки использована репродукция картины
Эдмунда Блэра Лейтона «Посвящение в рыцари» (1901 г.)

Все права защищены международным законодательством об авторских правах.
Настоящая книга в целом или частично не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие, компьютерные или любыми другими, без соответствующего разрешения издателя

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Сьюзен, моей Изабель

БЛАГОДАРНОСТЬ

Как всегда, я в неоплатном долгу перед широким кругом друзей и знакомцев, которые помогли мне в исследованиях и написании этого романа. Я благодарен моей жене, моему первому критику, и критику превосходному; редакторам — Нэнси Дразга, Биверли Шмидт и Рашель Шмидт — за их огромный вклад. Я также признателен проводникам и случайным встречным в Англии, Уэльсе, Ирландии за их дружелюбную помощь и гостеприимство. Спасибо моему сыну, Дэвиду, — за приятную компанию в пути. Больше всего я благодарен издательству «Престон Спид Пабליкейшнс» за великодушную и потрясающую поддержку. Они продолжают вдохновлять меня своей огромной любовью к истории.

ВВЕДЕНИЕ

Река времени несет каждого из нас до конца путешествия. Она берет свое начало от глубинных истоков, рождающихся из уст Всемогущего. Течение этой реки разнообразно, порой замедленно, порой — нет; иногда она с силой размывает podatливые берега и делает крутой поворот, который навсегда изменит пути тех, кто будет плыть по ней в будущем.

Как и великая река Темза, старая Англия сделала не один поворот под воздействием прошлого. События, оставившие след на ее зеленых равнинах, происходили и в других землях, преобразовывая иные места и времена. Эти течения и водовороты, воронки и тихие заводи веков существования Англии образовались до нашего появления на свет и сформировали нас. Поэтому давайте рассмотрим подробнее эти явления, которые использовало время, чтобы сотворить нас такими, какими мы стали.

Англия была местом обитания кельтских племен, живших в ее лесах задолго до начала летоисчисления. Но однажды римские легионы завоевали эти земли и назвали их Британией. Долгое время ее пологие холмы и густые леса находились под бдительным оком цезарей, пока Рим не состарился и не пришел в упадок. К 425 году нашей эры легионеры покинули берега Британии. Тогда на ее земли вторглись тевтонские (германские) племена, известные как англ, саксы и юты. Эти нецивилизованные люди вытеснили исконных британцев (бриттов) в труднопроходимые местности Уэльса и Шотландии, где те присоединились к своим родичам-кельтам.

В последующие века под воздействием кельтской церкви германцы постепенно обращались в христианство. Их

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

крестили миссионеры, следовавшие примеру известных служителей Ирландии: Брендана, Бригида, Колумкиля и знаменитого британца Патрика. Название страны постепенно изменилось и стало звучать как «Англия» — то есть земля англов, хотя правили ею все те же саксонцы во главе со знаменитым королем Альфредом, воплотившим христианские идеалы свободы и справедливости в условиях феодальной разобщенности государства.

В 793 году на побережье Англии высадились викинги-датчане. В последующие века они осели на севере страны. Будучи в основном свободными земледельцами, викинги привнесли в страну дух политической независимости и упорный индивидуализм. Со временем датчане тоже обратились в христианство, а их великолепный король Кнут изменил представление своего народа об ограниченном правлении, объявив себя монархом, «подчиненным Богу».

Викинги захватывали и другие территории. В начале X века норвежцы отвоевали северное побережье Франции у франков — германского племени, правящего в те времена большей частью Центральной Европы. Вскоре этот край стал называться Нормандией — страной норманнов. Недавно обращенные в христианство норманны быстро дополнили свое природное традиционное стремление к независимости четко установленным порядком. Как результат — им удалось наладить прочные военные связи, способствовавшие переходу Европы к феодализму — системе, в которой защита гарантировалась в обмен на военную службу.

Другой чертой норманнов, а также их предшественников было честолюбие. В середине XI века они обратили свое внимание на узкий пролив, отделявший их от прекрасной зеленой Англии. Уильям I, более известный как Уильям Завоеватель, считал свои притязания на английский трон вполне правомерными, поэтому его войско пересекло пролив Ламанш, чтобы нанести удар королю саксов Гарольду в известной битве при Гастингсе. Это событие вызвало в жизни Британии такие перемены, которые здесь мы даже не сможем проанализировать должным образом. Однако в этой истории интересны некоторые основные моменты.

ВВЕДЕНИЕ

Первое, норманны освоили язык франков, смешали его со своим собственным и создали норманнское наречие — северофранцузский язык. Когда норманны осели в Англии, их наречие тотчас изменило звучание, ритм и лексику языка саксов. Со временем английский язык стал богатым языком-гибридом, сменившим латынь как язык международного общения.

Следует также отметить, что, будучи правящим меньшинством Англии, норманны сформировали классовую систему, которая существует и по сей день. Однако этот народ оказался достаточно умен, поэтому не разрушил культуру завоеванных ими саксов. Норманнская идея о правах свободного человека совпадала с древними традициями саксов, а большое значение порядка у норманнов оказалась легко совместимо с действующей децентрализованной структурой саксонских графств и уделов. В результате норманнские правители быстро усвоили традиции и политический уклад былой Англии.

Смешение этих потоков со временем оказалось замечательным даром народу Британии. Хотя непостоянство соревнующихся интересов стоило многих жизней и владений, постепенно сформировался великий принцип, ставший вехой этого необычайного времени: принцип, где правление закона выше, чем правление человека. Пятнадцатого июня в лето Господне 1215 года над зелеными пологими берегами Темзы взошла новая заря. Это был день, когда течение времени изменило бег. Мудрость веков обратилась на борьбу с тираном, и был создан простой документ — Великая хартия вольностей (*Magna Carta* (англ.). — Прим. ред.). Эта Великая хартия стала памятью о прошлом и одновременно краеугольным камнем, заложенным в фундамент будущей свободы.

На протяжении последующих веков именно дух Великой хартии способствовал формированию твердого основания у тех, кто составлял Конституцию Англии. Сама Великая хартия зиждилась на том, что свобода и справедливость коренятся в вечной истине, дарованной Создателем. Такая Конституция — развернутое и постепенно пополняемое собрание уставов, обычаев и гражданских законов — создавала

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

равновесие между свободой личности и порядком. На основе Конституции сформировалась роль Короны и Парламента, а также было заложено основание английской Реформации. Время постепенно перенесло Конституцию через океан, к берегам Нового Света, где другие люди приняли принципы, царившие на зеленых берегах Темзы. Там, в Новом Свете, люди, в чьих венах текла кровь саксонцев и норманнов, радостно приветствовали пришельцев из других земель, рассказывая им о преимуществах свободы. Именно здесь, в краю, называемом Филадельфия, дух Великой хартии снова воспламенил сердца борцов за свободу.

Повесть, которая следует далее, — это нерассказанная история о Великой хартии. На самом деле о Великой хартии, наверное, слышал каждый школьник, поэтому читателю должны быть знакомы имена некоторых действующих лиц. Однако не все пробивались сквозь туман истории, чтобы увидеть лица почти забытых нами героев. Немногие знают семью, которая некогда жила в сырых замках старой Англии, чье мужество и мудрость так послужили нам. Их имена незнакомы, однако они заслуживают чести и славы. Именно подлинная история их жизни должна быть рассказана — история прекрасной графини и ее мужа-рыцаря — история замечательной супружеской четы, которая спасла Англию для Англии и Великую хартию для всех нас.

К счастью, имена героев этой истории не были полностью вымараны и стерты из исторических летописей. Повесть о жизни рыцаря была записана неким поэтом, которого нанял любящий сын в надежде, что эту песнь воспоют в веках. Этой мечте не суждено было осуществиться. История была записана в форме поэмы под заголовком «*Histoire de Gillaume le Marechal*» — «История Уильяма Маршала»). Автор поэмы известен как *Jean d'Troubier* (Джон Трубадур), хотя некоторые утверждают, что это был другой Джон. В поэме тысяча девятьсот семьдесят четыре строки, в ней изложено редкое жизнеописание этого человека и его семьи. Эта поэма и замечательные исследования, которые осуществлялись на ее основе, стали фактическим материалом данной книги.

ВВЕДЕНИЕ

Изложение, представленное ниже, по жанру является историческим романом. Это художественное произведение, поэтому автор пользовался некоторой свободой, чтобы повествование для читателя стало приятным и интересным. Однако роман исторический, а значит, предложенная история основана на фактическом материале рассматриваемого периода. Автор тщательно изучил детали из различных источников, чтобы представить читателю наиболее достоверное повествование о тех временах. Большая часть основных событий, дат соответствуют исторической действительности настолько, насколько возможно их определить; большинство персонажей романа были реальными людьми.

Для тех, кто хотел бы отделить факты от вымысла, мы рекомендуем прочитать книгу Уильяма Кроуча «Уильям Маршал» (Harlow, England, «Pearson Education Ltd.», 1990). Это доступное, изложенное в популярной форме исследование на основе средневековой поэмы, о которой говорилось выше. Хотя можно спорить и обсуждать достоверность тех или иных фактов, эта работа очень информативна по своему содержанию. Другая рекомендуемая литература по этой теме — Уинстон Черчилль «Birth of Britain» (New York: Dodd, «Mead & Company», 1956) и Роберт Бартрет «England Under the Normann and Angevin Kings» (Oxford: «Clarendon Press», 2000).

Зная все это, теперь мы готовы начать путешествие по реке времени. Нам придется отправиться в прошлое, за много веков до Американской войны за независимость, до Кромвеля и его круглоголовых, до мачт «Золотой лани» Дрейка, до дыма костров лоллардов и до Черной чумы. Мы вернемся в далекое прошлое, к живописным берегам тихой Темзы. Нас ждет зеленый луг и прекрасная графиня. Сейчас конец мая, поют птицы, ржут боевые кони, а весь христианский мир наблюдает за происходящими событиями. В небе сияет солнце, слегка клонится тростник. Жизнь затаила дыхание в местности, которая называется Раннимид.

Эта Англия

*Подумать лишь, — что царственный сей остров,
Страна величия, обитель Марса,
Трон королевский, сей второй Эдем,
Противу зол и ужасов войны
Самой природой сложенная крепость,
Счастливейшего племени отчизна,
Сей мир особый, дивный сей алмаз
В серебряной оправе океана,
Который, словно замковой стеной
Иль рвом защитным ограждает остров
От зависти не столь счастливых стран;
Что Англия, священная земля... **

Уильям Шекспир
Ричард II, акт 2, сцена 1

*Перевод - М. Донского. - Прим. ред.

ГЛАВА I

ЛУГ

ВОСПОМИНАНИЙ

трелы неожиданно пропели над плечом сэра Джона.

— Поворачивайте, поворачивайте назад! — закричал рыцарь. Его отряд королевских разведчиков, развернув коней, отчаянно неся от удивленных часовых армии мятежников.

— Быстрее, к лесу!

Сэр Джон д'Эрли и шесть всадников возвращались из далекой разведки. Они наткнулись на фланг мятежников и несколько отрядов валлийских лучников.

— Рэймонд ранен! — закричал всадник, когда его товарищ тяжело рухнул на землю.

— Вперед! — приказал сэр Джон. Он оглянулся через плечо и застонал. Кавалькада конных рыцарей отделилась от вражеского лагеря и неслась к ним навстречу. Рыцарь развернулся и направил коня к темному лесу, простирающемуся перед ним. Сильный удар арбалетного болта поразил коня в голову.

— Быстрее!

Разведчики ворвались в лес галопом. Они неслись под кривыми ветвями дуба, между толстыми стволами английской чащи, уже покрывшейся молодой весенней травой.

*Болт — особая арбалетная стрела, которая обычно была толще и короче лучной. — Прим. ред.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Земля тряслась от тяжелого скака преследовавших их коней, а сэр Джон пребывал в замешательстве. Его скакун-гунтер с блестящей от пота спиной жадно втягивал воздух широко раздувающимися ноздрями. Джон наклонился к холке и вонзил стремяна в бока лошади, направляя коня через узкую просеку в заросли смешанного леса. На просеке ютился подлесок из кустов, крапивы и молодых побегов, замедляющих неистовый бег разведчиков.

— Сэр Джон! — закричал сержант. — Мы потеряли преимущество. Нужно выбираться на открытое пространство.

Воин был прав. Вражеские гунтеры оказались быстрее тяжелых боевых коней всадников Джона; хотя густой лес защищал их от арбалетных стрел и дротиков, он также и препятствовал им. Джон осадил коня и встал на стремяна. Топот наступающих всадников усиливался.

— Туда! — закричал он, указывая направление. — За мной!

Разведчики скакали по жалящей крапиве, а воздух за ними был полон криков. Еще каких-то сто лет назад просека была густым лесом, омываемым солнечным светом, который проникал через сплошную стену деревьев. Должно быть, люди расчистили ее, поэтому образовалось открытое пространство. Рой арбалетных болтов внезапно пронесся между ветвями и порослью — стреляли сзади. Конь одного разведчика был ранен. Животное рухнуло на передние копыта, а всадник повалился на землю.

— Не останавливайтесь! — закричал сэр Джон.

Шесть всадников понеслись вперед, низко наклоняясь к взмокшим от пота холкам коней и молясь о Божьей милости. Наконец, они вырвались из тенистого леса и понеслись по полю озимой ржи.

— Вперед! Вперед! — конь Джона задыхался, а людей охватила паника: более молодые и не столь уставшие кони вооруженной колонны мятежников преследовали их по пятам. Однако воинам сэра Джона удалось вырваться вперед, и теперь было очевидно, что тяжеловооруженные противники их не догонят.

Джон обернулся и увидел, что конный отряд отстает. Почувствовав облегчение, он приказал своим людям замедлить темп. Но вдруг четверо всадников вырвались из середины колонны рыцарей и стремглав понеслись к разведчикам.

— Сэр Джон! — крикнул один из его товарищей. — Легкая кавалерия!

— Ясно, — Джон оглянулся, встал на стремяна и увидел справа долгий склон.

— Туда, вниз! — приказал он. — Устроим им засаду.

Разведчики развернулись и понеслись к высохшему руслу ручья в конце поля. Русло было изборозжено канавами и завалено камнями. Осторожно пересекая его, всадники тотчас нашли укрытие в густом лесу на другой стороне и там выжидали с обнаженными мечами.

Как и предполагал сэр Джон, приближающуюся четверку выслали, чтобы отвлечь разведчиков и задержать их, пока не подоспеет подкрепление. Это была легкая кавалерия. Как и люди Джона, противники носили лишь кожаные доспехи и стеганные куртки. Рыцарь наблюдал, как они замедлили темп и осторожно пробирались через высохший ручей. Подбираясь все ближе, противники тревожно оглядывались.

Предчувствуя опасность, четверка медленно въехала в лес. Тогда сэр Джон дал своим людям знак приготовиться. Будучи закаленным в боях рыцарем, он знал, что вооруженная кавалерия совсем близко, поэтому медлить нельзя. С диким боевым кличем он ринулся на противников и окружил их.

Неистовый лязг мечей эхом разносился по лесу. Первым погиб разведчик короля — его живот был вспорот клинком. Затем повалился один из мятежников, потом еще двое. Сэр Джон вступил в бой последним. Он сражался с противником верхом, их кони терлись друг о друга. Земля снова задрожала от топота приближающейся колонны всадников.

— У нас нет времени! — крикнул сэр Джон своим людям. — Скачите и предупредите короля!

Встревоженные спутники Джона неохотно повиновались. Они резко пришпорили коней, предоставив своего

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

командира самому себе. Рыцарь, как и его противник, был решителен и мужествен. Это были два опытных воина, оба сражались за правое дело: один — за надлежащий порядок, другой — за былую вольность. Но, к сожалению, остаться живым должен был только один, и сэр Джон д'Эрли с огорчением смотрел, как его достойный противник рухнул на землю.

Седой рыцарь глубоко дышал. Ему было не до благородства. Кавалерия мятежников направлялась к нему по склону и скоро должна была пересечь русло ручья. Он отдал честь павшему врагу и умчался прочь.

Примерно через час сэр Джон отыскал своих людей — они отдыхали возле тихого ручья. Он спешился и радостно обнял друзей, отпустил коня в искрящиеся воды. На какой-то миг он ощутил приятное тепло майского солнца, затем окунул лицо в прохладные струи ручья. Рыцарь пил воду большими глотками и благодарил Бога за то, что остался в живых.

Освежившись, сэр Джон вытер лицо и повернулся на запад, вглядываясь в горизонт.

— Друзья, — начал он, — нам необходимо предупредить лорда Уильяма. Он полагает, что войско мятежников находится ближе к северу. Но поскольку они здесь, неподалеку от Сент-Олбенса, Лондон скоро падет, и тогда мы проиграем. Молитесь, чтобы король уладил дело миром еще до летнего солнцестояния.

— Не тревожьтесь, моя леди!

Красивая изящная женщина с длинными светло-рыжими волосами, заплетенными в косы, молча стояла под лучами утреннего солнца. Она кивнула и ответила дружелюбной улыбкой.

— Ах, милая Этель, моя давняя, добрая подруга, это такое привычное слово!

Две женщины замолчали и, держась за руки, с надеждой смотрели на английский луг под названием Раннимид.

Вдалеке пестрого луга простиралась пойма реки Темзы, окруженная повсюду яркой, омываемой дождями зеленью славной Англии.

Было воскресенье, четырнадцатый день июня 1215 года от Рождества Христова. Солнце уже осушило субботнюю росу с золотых лютиков, желтых цветов осота, с белых лепестков ромашек, небрежно рассыпанных повсюду. Среди травы также затерялись островки пурпурного кипрея, чашечки розового вьюнка и белого клевера, теперь примятые копытами могучих коней, рысью промчавшихся между лагерями двух враждебных армий.

Графиня Изабель, сорока трех лет, была прелестной женой лорда Уильяма Маршала, графа Пембрука, самого доблестного из рыцарей короля Джона. Она спокойно стояла рядом со своей служанкой, которая ходила за ней около сорока лет.

— Я люблю двоих на этом лугу и молюсь, чтобы каждый из них служил Богу по своей совести и чести.

— Да, моя леди, — ответила Этель. Дородная, пышущая здоровьем служанка пожала руку своей любимой госпоже Изабель. Годы брали свое, поэтому пожатие служанки ослабло. Верной наперснице госпожи уже исполнилось пятьдесят семь лет. Она смотрела на пестрые краски весеннего луга, вдыхая приятное благоухание травы и полевых цветов, прислушиваясь к радостному щебету летающей над полем ласточки. Повернувшись, чтобы обратиться к своей госпоже, служанка увидела, как графиня величественно смотрит на шатер короля, а также на его поредевшее войско, направляющееся к Виндзорскому замку.

Легкий ветерок играл с воздушным шелковым платьем, драпирующим изящную фигуру Изабель, а затем улетел танцевать с прибрежными ивами. Кролик — не коренной житель Англии, как и саксы, датчане или правители-норманны, — проскакал к ближайшей изгороди.

— Наш распорядитель там, — сказала Изабель, указывая налево, где развевались яркие цветные флаги. — Молюсь, чтобы мой лорд и супруг, а также архиепископ Лэнгтон смогли найти нужное слово к королю Джону, — в сдержанном

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

тоне графини чувствовалось разочарование и усталость. — Мой муж служит честью этому тирану.

Изабель отвела синие глаза от лагеря короля Джона и скользила взглядом по ровному лугу, расстилающемуся перед ней. Время от времени графиня задерживала взор на красном шатре, покрывавшем пустой трон.

— Годы страданий, а теперь — гражданская война. Этель, сердце подсказывает мне, что завтра утром все будет кончено. Я молюсь об этом.

Изабель поправила желтую накидку на голове, подвязанную красным льняным шнуром. Графиня провела пальцем между подбородком и шелковым барбетом, обрамлявшим ее лицо. С помощью Этель она ослабила и развязала два шелковых пояса, стягивающих ее талию, стряхнула листья ежевики и семена одуванчиков со своего блию — верхнего платья, достигающего до середины лодыжек. Графиня ощупала свои густые длинные косы, спадающие ниже пояса, дабы убедиться, что они хорошо заплетены. Поправив одежду и волосы, Изабель снова посмотрела на поле.

— Взгляните туда! — произнесла графиня, указывая вправо. — Мятежные бароны все еще надеются.

Взор Этель устремился на холщовые шатры и яркие флаги двадцати пяти баронов, назначенных представителями мятежников против короля Джона. Другие бароны вместе с тяжелой кавалерией и лучниками мудро держались в стороне и не хотели дразнить гордого короля, который имел недобрую славу человека, подверженного внезапным вспышкам ярости.

— Там, на ветру, развевается так много знакомых цветов, — Изабель внимательно рассматривала флаги баронов. Среди них был багряно-золотой флаг Ричарда де Монфичета, пурпурно-серебряный флаг Роберта де Роса, сине-золотой — Ричарда де Перси, серебряный крест Юстаса де Весци и трехцветный щит Гилберта де Клэра. Изабель, однако, не придавала им значения, полагая, что это — всего лишь символы алчных тиранов маленьких государств. Она искала разделенное надвое желто-зеленое знамя с красным львом в центре, стоящим на задних лапах. Это был флаг Маршалов.

Сейчас он развевался и над ее мужем в лагере короля, и над ее старшим сыном, Уильямом-младшим, сражающимся на стороне мятежников.

— Этель, взгляните, он реет на ладонь выше остальных!

Изабель переполняла гордость. Как и ее мать-ирландка, графиня была мудра и рассудительна.

— Мое сердце наполняется миром, когда я вижу, как флаг развевается на ветру, — ведь один и тот же ветер колышет знамена моего сына и мужа.

Она закрыла глаза и подняла лицо к небу.

— Этот ветер непременно изменит ситуацию на совете короля сегодня. Он объединит все королевство на долгие века, — лицо Изабель просветлело. — Полагаю, этот день заслуживает поэмы или баллады — доброй ирландской баллады!

Этель что-то проворчала. Ее мало интересовали ирландцы, валлийцы, корнуольцы, а также шотландцы и бретонцы из Франции. Эти народы она считала грубыми, неотесанными варварами, дикими и неблагонадежными — всех кельтов, которых «следовало бы загнать в норы, ведь они их так хорошо роют». Саксонка по происхождению с небольшой примесью датской крови, Этель с гордостью называла себя англичанкой — слово, образованное от древнего германского племени англоv, которые вместе с их родичами саксами и ютами завоевали эти земли почти восемь веков назад.

Прекрасно зная взгляды Этель, Изабель рассмеялась. Будучи потомком двух народов, графиня часто поддразнивала Этель своим «ирландским поведением». Ее мать, дочь дикого ирландского короля, научила Изабель ирландским мифам и легендам. Графиня освоила гэльский язык еще в детстве и прекрасно его помнила. Ее отец был норманн — потомок людей Севера, поселившихся на западном побережье Франции и покоривших англичан примерно полтора века назад. Поэтому Изабель также овладела норманнским диалектом, образовавшимся от смешения норвежского и французского языков. Проведя большую часть юности при дворе короля Генриха, она также освоила латынь от королевских наставников, а английский — от саксонцев, служащих в Тауэре.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Графиня и ее служанка вернулись к свите, терпеливо ожидающей неподалеку. Изабель подали кубок утреннего меда, и она села на одеяло под раскидистой березой. По обе стороны женщины лежали две старые любимые собаки ее супруга — Альфред и Кнут.

— Славные животные, — улыбнувшись, произнесла Изабель. — Всегда спят в тени.

Одному псу графиня почесала уши, а другому — погладила живот. Альфред был огромным серым мохнатым ирландским борзым псом — храбрым, преданным. С годами он стал податливее. Кнут тоже был огромен, но имел короткую шерсть цвета спелой пшеницы. Его преданный и мужественный нрав чем-то напоминал характер хозяина, графа. Как и его предки-викинги, лорд Уильям любил свободу и неустанно защищал ее. Именно поэтому он назвал своих псов именами двух великих королей Англии: саксонца Альфреда Великого и могучего датчанина Кнута.

Изабель протянула служанке глиняную чашу и закрыла глаза. Графиня тихо молилась, поднеся к губам золотой крест на тонкой цепочке изящной работы, лежавший на ее белой шемизе (нижнем платье). Это украшение было свадебным подарком ее мужа, реликвия, которая, как полагала Изабель, служила им верой и правдой.

— Всадник, миледи! — воскликнула Этель. Графиня обернулась, чтобы разглядеть приближающуюся фигуру. Изабель настороженно встала, но когда всадник подъехал, она тотчас узнала его — это был один из самых верных рыцарей ее супруга, а также ее друг, Джон д'Эрли.

Сэр Джон, отдохнувший после бурных событий последнего месяца, спешил и направился к графине.

— Моя дорогая леди! — произнес он учтиво. — У меня есть вести от лорда Уильяма. Возможно, мы будем неподалеку отсюда по завершении этого предприятия. Хвала Богу! К нашему общему благу, мудрость лорда, вашего супруга, и архиепископа, сдастся, восторжествовала над нравом короля.

— О, я знала это! — воскликнула Изабель, радостно хлопая в ладоши. Она почувствовала небывалое облегчение и

закрыла глаза. Графиня отлично понимала, что в противном случае все могло обернуться затяжной гражданской войной, в которой ее муж и сын оказались бы по разные стороны битвы.

— Сегодня на утренней мессе у меня было предчувствие, дорогой Джон! — она улыбнулась и протянула рыцарю кубок меда.

— Ах, миледи! — усмехнулся Джон. — Я научился доверять вашим предчувствиям.

Хотя рыцарь мало чем отличался от других людей, ему не было равных в преданности лорду и его семье. Это был благородный и необычайно мужественный человек. Почти ровесник Изабель, д'Эрли любил ее и провел большую часть своих зрелых лет, служа у нее дома.

Изабель взяла в ладони сильную, закаленную в боях руку Джона.

— Когда все только началось, меня не оставляло предчувствие о рождении чего-то нового. Можете считать это моей причудой, но женщинам это хорошо известно. Нам предстоит постичь нечто таинственное. Оно перерастет в такое явление, которое мы не сможем уразуметь до конца, дорогой Джон. Я абсолютно уверена в этом так же, как... — ее голос дрогнул, а лицо напряглось. — Как я верю в проклятие этого злобного шотландского священника.

— Нет, миледи. Не всем предчувствиям следует верить. Это проклятие, этот злой глаз имеет в себе не больше силы, чем... — он оглянулся вокруг и обратил взор на голую ветку дерева, — чем эта ивовая ветвь.

Выбор оказался неудачным.

Леди Изабель, бледная и безмолвная, словно призрак, стояла прямо и неподвижно, как и ее слуги.

— Вы уверены, мессир Джон? Поклянитесь всем добром этого печального мира, что проклятие, подобно этой ветви, больше не имеет силы!

Джон поднял чисто выбритое лицо к небу и подбоченился.

— Клянусь, — произнес он.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Графиня прошла мимо рыцаря, взяв короткий меч, висевший у него на поясе. Она решительно подошла к дереву и взяла безлистную ветку в одну руку, а другой срезала с нее кору. С безучастным взглядом она вернулась к лорду д'Эрли, протянув ему короткий меч и полоску зеленой, влажной коры.

— Вероятно, черви съели листья, добрый сэръ, однако ветвь жива.

Как и его отец, лорд Уильям Маршал, носил титул маршала королевской конюшни. Он был предводителем королевских рыцарей и командиром королевского войска. В своем возрасте (а ему было уже семьдесят пять лет) этот человек слыл гордостью всего христианского мира. Он прожил жизнь в непоколебимой чистоте и несравненном мужестве. Худощавый, все еще красивый, вежливый и галантный рыцарь был выше всех мужчин в лагере короля.

Уильям послал за своей женой и ее свитой накануне, а когда Изабель прибыла, граф с нежностью обнял ее, что было поводом для зависти всех женщин Британии. Лорд был одет в ярко-зеленую вышитую мантию без рукавов, подпоясанную поверх облегающей шемизы (нижней рубахи) и открывающую ее белые рукава. На широком кожаном поясе маршала красовался кинжал с серебряной пряжкой.

Изабель нашла мужа уставшим и несколько напряженным: события последних дней тревожили его. Усы и коротко подстриженные седые волосы графа были аккуратно причесаны, а лицо — чисто выбрито. Он стоял, высокий стройный и широкоплечий, а точеные, мужественные черты лица выражали силу характера, которая лишь закалила графа за долгие годы. Хотя он был старше жены более чем на три десятка лет, Изабель считала его лучшим среди всех мужчин Англии.

Была половина десятого утра, когда Уильям пригласил жену в просторный шатер для трапезы, установленный в королевском лагере. Слуга провел Изабель к столу и указал на

место справа от мужа и рядом с вдохновенным служителем Божиим, архиепископом Стивеном Лэнгтоном.

Одетый в искусно вытканную красную мантию с желтой накидкой великий архиепископ стоял молча, крепко сжимая золотой крест в правой руке. Когда присутствующие заняли свои места, он поднял руки в молитве за собравшихся — как в этом шатре, так и «в великом шатре Царя царей». Архиепископ склонил голову с выбритой тонзурой — оставленные волосы кольцом обвивали голову, символизируя терновый венец Христа.

— Благой и милосердный Небесный Отец, прости нас, нечестивых и неверных рабов Твоих! Даруй нам милость по великой благодати Твоей. Благослови нас, Отец Преславный, дабы в Твоей свободе мы обрели ту свободу, которую Ты по милости Своей даровал нам, Твоим недостойным сосудам. Благослови короля Джона, благослови его святое войско, благослови церковь и всех ее служащих. Благослови наших неприятелей, по Твоим заповедям. Прости всех, кто нарушил Твои святые постановления. Приведи народ этой доброй страны, называемой Англией, в единство мысли и деяния, чтобы они приносили плод Твоего правосудия, и яви силу мышцы Твоей грядущим поколениям. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Когда архиепископ завершил молитву, леди Изабель улыбнулась. Как и лорд Уильям, архиепископ был человеком особых дарований и необычайного духа. Всю жизнь он боролся вместе с Маршалом против князей и пап, поэтому графиня называла его «небесным псом правосудия».

Будучи ученым богословом, именно Стивен Лэнгтон разбил книги Библии на главы, расположив их в определенном порядке. Это было свойственно норманнам, ведь, как и их предки с севера, они питали страсть к порядку. Именно поэтому норманны устроили свой мир столь искусно, изобретательно и сложно, используя иерархию феодальных титулов.

Пока недовольный король трапезничал в одиночестве в Виндзорском замке, лорду Уильяму и его супруге сначала

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

поднесли доски с толстыми ломтями хлеба и жареной олениной. За исключением архиепископа, другие гости ели с одной доски по несколько человек, в зависимости от титула.

Через некоторое время стол был заполнен яствами. Присутствующие откусывали с ножа сочное, жирное мясо, с наслаждением запивая его английским элем из высоких кубков. Под столом рыскали собаки, подбирая остатки еды и вылизывая жир, капающий на пол. Об их спины удобно было вытирать руки. Несколько соколов пронзительно кричали со своих насестов, а ручная обезьянка епископа вызвала громкие нарекания, промчавшись по серебряному подносу с сыром.

Затем подали дичь и свинину, котел вареной фасоли, садовую зелень, салат-латук. Наконец, насытившиеся придворные откинулись на спинки стульев и завели беседу, в которой было немало праздных слухов и сплетен. Зная, что Уильям Маршал и Стивен Лэнгтон всегда были солидарны с баронами, многие полагали, что нынешние переговоры были улажены благодаря усилиям графа и архиепископа. Все думали, что «Статьи баронов», которые надлежало представить королю сегодня утром, — это плод гения Лэнгтона и решимости Уильяма. Однако никто не сомневался в верности королю этих людей. Способствовать междоусобице было неразумно, ведь гражданская война, разделившая Англию, дорого стоила обеим сторонам. А так как Франция — это вечное «жало» и «заноза» в седалище Британии — поддерживала мятежников, для англичан было благоразумно служить делу мира.

Изабель удовлетворенно улыбнулась, глядя на рыцарей, поглаживающих животы, наполненные олениной, жареной говядиной и вареной зайчатиной.

— Ах, добрый слуга, принесите мне еще сладких фруктов! Так хочется отведать сладкого в этот теплый день. Также подайте мед к рыбе. — Изабель питала страсть к еде, но при этом оставалась стройной и тонкой, что было предметом удивления многих. Она также любила готовить. Это умение вводило в замешательство кухарок графини.

Приятный ветерок гулял среди шатра, когда в ближайшей церкви Виндзора зазвучали колокола, возвещающая шестой час.

Призванный к выполнению религиозного долга, архиепископ встал, извинился и вскоре удалился вместе с вереницей одетых в темные мантии служек и вооруженного эскорта.

Церковники уехали, и рыцари Уильяма еще больше расслабились за элем и красным вином, расставленным в кубках по всему столу, представляющему собой помост на козлах. Их язык стал грубым, а манеры были забыты. Как и предполагала Изабель, вспыхнула бурная ссора между огромным, грубым, несдержанным сэром Генри Хозом и фатоватым вассалом Уильяма Джорданом де Сокевилем. Внешне Джордан казался изысканной, утонченной натурой. Он любил носить цветы в волосах и танцевать на цыпочках, но при этом в ссоре и потасовке никогда не отступал, пускал кулаки в ход, а в битве проявлял небывалую жестокость.

Ссора завязалась из-за неосторожного замечания, которое задело саксонскую гордость сэра Генри. Оба катались по столу, сметая все на ходу. Они избивали друг друга руками и ногами, царапались и дрались. Наконец, лорд Уильям не выдержал:

— Хватит! — громко крикнул он.

Такая потасовка за трапезой не была чем-то диковинным, но при столь напряженных обстоятельствах она не приветствовалась. Старый граф сделал несколько больших шагов и сердито растащил дерущихся. Скрестив руки на груди, он напряженно думал.

Но внезапно лорд Уильям просветлел, а уголки его губ слегка поднялись. Этот удовлетворенный вид заставил соперников побледнеть от страха. Граф подмигнул жене, затем заговорил:

— Генри, получите поцелуй мира от вашего достойного товарища.

Сэр Генри Хоз заворчал: именно этого он боялся. Поцелуем мира часто обменивались преданные вассалы и их лорды. Это был поцелуй в губы — знак привязанности, верности и духа товарищества. Генри смотрел на сэра Джордана, как щенок, наказанный хозяином.

Джордан сделал длинный глоток сидра, облизал губы и злобно заворчал.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

— Ха, ха — *mon ami. Mon amour**.

Он шагнул к бедному Генри с распростертыми объятиями и вытянул губы. Поддерживающие его рыцари громко ревели, а Генри Хоз закрыл глаза и подчинился.

Поцеловав мужа, леди Изабель созвала собак и окликнула свиту, чтобы следовать к берегу Темзы. Хотя солнце и грело с полудня, воздух все же оставался прохладным. Это был великолепный день, дар времени, один из тех моментов, которые вспоминаешь с восхищением.

— Пойдем, Этель! В этот замечательный день давайте отправимся к моей самой любимой реке во всем королевстве!

— Конечно, миледи, но нам нужно дождаться д'Эрли. Лорд послал его сопровождать нас.

— Прекрасно, хотя для нашей безопасности Твигадарна вполне достаточно, — она повернулась и улыбнулась своему вездесущему телохранителю, напоминающему тень, — тихому и мрачному, но всегда готовому прийти на помощь.

— *Air fhaicill*, — сказала она. — Всегда на страже.

Твигадарн кивнул.

— *Seadh*, — произнес он. — Это так.

Этот человек, если говорил вообще, излагал только самое необходимое. Его родной язык был гэльский, поэтому он мало понимал английский, а еще меньше — норманнский диалект французского языка. Сын Пока аб-Риса из долины Уая, валлиец был гигантом — на голову выше мужа Изабель. Твигадарну перевалило за тридцать, он был крепко сложен, широкоплеч, с темными волосами, косматыми и длинными, как и его борода. Его кожа была белесой, как пики Сноудонии, а глаза казались такими призрачными и светло-голубыми, что многих повергали в страх. «Это какой-то дух — демон или, возможно, колдун», — часто бормотали священники. Никто никогда не видел его спящим или отдыхающим. Он был всегда начеку, незаметно появляясь из ниоткуда и

*Мой друг, моя любовь (франц.). — Прим. пер.

исчезая так же мгновенно. Твигадарн охранял свою драгоценную Изабель с особой бдительностью и свирепостью, свойственной кельтским воинам. Хотя он не имел земли и никогда не был посвящен в рыцари, Изабель часто называла его «мессир», или сокращенно «сэр», из уважения к его доблести и любезности.

— Пойдемте, сэр Джон догонит нас, — графиня хотела быстрее отправиться к берегам тихой Темзы. Сопровождаемая дюжиной спутников и собаками, леди медленно шла под серебристыми ивами, шелестящими на легком ветерке. Лягушка выпрыгнула из зарослей осоки, черепаха скользнула в темную воду, а в небе с пронзительным криком носились птицы.

— Изумительно! — воскликнула Изабель. — Я так люблю воду!

Недавно вылупившиеся утята отчаянно рассекали воду, пытаясь поспеть за матерью. Изабель остановилась.

— Взгляните, Этель! Я насчитала десять, — улыбнулась графиня.

— Да, миледи. Десять малышей — так и ваши дети следуют за вами по всему королевству.

Изабель присела, чтобы сорвать и бросить цветок утке-матери.

— Она хорошая мать, как вы думаете?

В тоне графини мудрая Этель почувствовала потребность в одобрении.

— Да, миледи, но нет лучшей матери в творении Бога, чем вы — кроме Девы Марии, конечно.

Глаза Изабель наполнились слезами. Она не была в этом столь уверена.

— Леди Изабель, — произнес кто-то задыхающимся голосом. Это был сэр Джон д'Эрли.

— Вы присоединитесь к нам? Мы ждали вас.

Джон поклонился и широко улыбнулся. Он был одет в ярко-синюю тунику, или котту, схваченную черным поясом. Она ниспадала до середины голени, обнажая белые чулки.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Рукава туники расширились от предплечья и стягивались узлом на запястьях.

Изабель сделала легкий реверанс, приветствуя своего любимого друга. Она пристально смотрела на его рукава.

— Вы утащили закуску со стола? — поддразнила она.

Джон покраснел.

— Нет. У меня есть подарок для вас и вашей прекрасной наперсницы.

Рыцарь развязал рукава и достал огромный букет полевых цветов, которые они вместе с лордом Уильямом собрали, беседуя после обеда. Генри Хоз, хотя и без особого энтузиазма, добавил другие цветы, а щеголь Сокевиль был рад помочь в этом деле.

Изабель захлопала в ладоши.

— Ах, мой добрый Джон и мой добрый лорд муж!

Ее глаза наполнились слезами: было так приятно чувствовать себя любимой. Изабель взяла охапку цветов и поднесла их к лицу. Она сделала глубокий вдох и подняла глаза к Небесам.

— Моя леди, ваш муж просит вас не уходить далеко от лагеря короля. В противном случае вы можете стать заложницей баронов, сомневающих в успехе завтрашнего предприятия.

Изабель пожала плечами.

— Мой сын — на стороне баронов, поэтому не стоит бояться. Но я последую совету мужа, ведь у него и так хватает забот, чтобы еще отвлекаться на жену. Этель, соберите слуг. Давайте отправимся вон к тому берегу. Это место свободно от веток и широко, возможно, немного низкое, но весьма удачное для отдыха и даже для купания.

Глаза графини озорно блестели. Именно эту черту лорд Уильям полюбил в ней с момента первой встречи.

Этель вздохнула, затем повиновалась, и через несколько мгновений свита графини расстелила пестрые шерстяные одеяла на травянистом берегу реки. Изабель разложила на них цветы и собиралась искупаться.

— Ответственный за ванну с нами?

Этель равнодушно наблюдала. Она сморщила нос.

— Да, миледи. Он здесь.

Изабель улыбнулась.

— Отличный день для купания. Нам необходимо смыть тревоги прошлых дней и с надеждой встретить будущее.

Ответственный за ванну ездил со свитой лорда Уильяма повсюду. В отличие от короля Джона, который редко мылся, некоторые утверждали, что всего три раза в год, лорд Уильям и его окружение придерживались более распространенного норманнского обычая: принимать ванну, когда появлялась такая возможность. Он и его рыцари тщательно мыли руки перед каждой трапезой, а когда долгое время не удавалось искупаться, все обтирались губками, нося для этих целей мешочек с душистыми сушеными цветами.

— К вашим услугам, добрая леди, — поклонился ответственный за ванну. Он вручил Этель большой кусок мыла и щетку.

Хотя в те времена большинство мужчин и женщин купались вместе, Изабель предпочитала мыться за занавесом только со своей служанкой, возможно, с подачи ревнивого мужа.

— Да, миледи, — ответил слуга. Он приказал установить большой квадратный холст, за которым Изабель и Этель разделись. Через миг графиня сбегала на цыпочках вниз по травянистому берегу и легко скользнула в темные воды Темзы, восхищаясь ее свежестью и прохладой.

Этель не удалось войти в воду настолько плавно. С ворчанием она сняла последний предмет нижнего белья, свернула его и положила на одежду. Затем, оставшись в одеянии, которым Создатель одарил ее при рождении, полная женщина повернулась к воде и распустила вьющиеся волосы, закрывающие ее уши, словно рога огромного овна.

Осознавая свою обязанность быть рядом с леди, служанка продвигалась по берегу, как вдруг мимо пронесся пес Альфред. Этель погрузилась в воду по ягодицы, но тут Кнут уткнулся в ее живот, также собираясь плавать. Разъяренная женщина погрузилась на илистое дно реки, откуда ее подняла

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Изабель. Этель встала на ноги и плюхнулась в Темзу, колотя руками и ногами, как большая белая корова.

— О, дорогая Этель! — смеялась Изабель. — Моя дорогая Этель! Благодарю за то, что присоединились ко мне.

— Да, — нахмурилась служанка. — Вода немного холодная, миледи, — недовольно заметила она.

— Возможно, — засмеялась Изабель. — У вас есть мыло?

— Да. Мне удалось удержать его в руке! Благодаря Деве Марии уцелела также щетка, — внезапно на хмуром лице Этель появилась ухмылка, а затем она громко рассмеялась.

Две подруги плескались и мыли друг друга мылом, натирали маслами, пахучими травами. Прохладная вода бодрила их тела. На какой-то миг они почувствовали себя не стареющими женщинами, а юными девушками, шумными и смеющимися под ласковым солнцем. Наконец, они поднялась вверх по берегу, чтобы высушиться и одеться.

— Вы освежились, миледи? — поинтересовался сэр Джон, когда они вышли из-за заслона.

— Да, — ответила Изабель.

— Вежливость не позволяет мне упомянуть о трудностях, с которыми столкнулась Этель, — рыцарь улыбнулся и подмигнул.

— Вы правы, сэр Джон, — засмеялась Изабель. — О некоторых вещах не стоит говорить вслух. А теперь я хочу увести вас, Этель и Твигадарна подальше от других.

Друзья с радостью последовали за своей леди. Они прошли приблизительно десять ярдов вдоль берега и расстелили новое одеяло на траве. Этель принесла корзину сладостей: вишневое варенье, медовые пироги, бутылку красного французского вина и глиняную флягу сидра, охлажденную в реке.

Леди Изабель сушила волосы полотенцем и предложила всем лечь на покрывало. Твигадарн колебался — не в его привычке было лежать, поэтому он стоял.

— *Le cead; le ur cead?** — спросил он с поклоном.

Графиня встала и нежно обняла его.

— Конечно, дорогой друг. Вы вольны поступить так.

*С вашего позволения? (гэльск.). — Прим. пер.

Все расслабились и восторженно любовались прекрасным пейзажем. Прошлые месяцы выдались тревожными, поэтому сейчас они были рады отдыху. Зеленый цвет радовал глаз, яркие краски бесчисленных полевых цветов бодрили, а солнце в вышине согревало, как доброе сердце друга.

Изабель отвела взгляд от чарующих видов и задержала его на каждом знакомом ей лице. «Добрый и преданный д'Эрли, — размышляла графиня. — Ему столько довелось перенести. Острый ум и чистое сердце, сильные руки и решительный взгляд. Спокойный заботливый и преданный, поэтому Уильям так любит его».

Она повернулась к Этель и улыбнулась. «Только эта женщина последовала бы за мной в любые воды! О, как бы я жила без нее!» Графиня вздохнула, с грустью понимая, что ее подруга стареет. «О, как было бы славно, если бы ее дети выжили». И на закате жизни Этель оставалась такой же крепкой и преданной.

«Твигадарн — повсюду Твигадарн, — думала Изабель. — Мне казалось, что это необычный подарок от Уильяма, — но теперь я знаю, — она мысленно перенеслась к человеку, которого здесь не было. — Только бы мой добрый карлик был в безопасности. Как я скучаю по нему!»

Друзья живо беседовали, а Изабель прилегла на спину и смотрела на перистые белые облака, которые рисовали картины из жизни графини: рыцари верхом, высокие соборы, низкие часовни и зубчатые стены замка. «Это призрак моего отца», — подумала она. Изабель закрыла глаза и представила своего отца.

Отцом Изабель был лорд Ричард де Клэр, по прозвищу Стронгбоу, норманнский рыцарь, который, расширив свои небольшие владения, стал одним из самых великих арендаторов при дворе короля Генриха.

Вместе с ирландским королем Дермотом Мак-Мерхедой рыжеволосый веснушчатый воин завоевал землю своим мечом и живым умом. Возможно, уважение, которое Изабель испытывала к своему отцу, теперь побуждало ее так чтить

своего мужа, Уильяма, который тоже был странствующим рыцарем, пока не обрел богатство, благодаря смелости, чести и стратегическому браку.

Она вспомнила о матери, тихой золотоволосой Еве. Немногие знали эту женщину хорошо, а Изабель — меньше всего.

— Надеюсь, я доставила матери хоть немного радости, ведь ее жизнь была сплошной чередой неудач.

— Моя леди? — спросил Джон.

Изабель резко села.

— Да?

— Вы чем-то огорчены?

Графиня кивнула и достала сидр.

— Все в сборе? Давайте проведем особую трапезу в этот необычный день.

Джон и Этель любопытно переглянулись.

— Твигадарн, вы согласны?

Гигант кинул.

Изабель улыбнулась и взяла под руки рыцаря и свою служанку.

— Я становлюсь, да и что уж там говорить, все мы потихоньку стареем.

Раздался звонкий смех.

— Время уходит, поэтому я дорожу им все больше и больше. Тяжело осознавать, что время обретает цену в своей скоротечности. Каждый человек хранит воспоминания, ведь благодаря им мы познаем свои добродетели.

— Добродетели, миледи? — спросила Этель.

Изабель кивнула.

— Да, хотелось бы в это верить. Доброту, милосердие, готовность жертвовать собой, утешение или мудрость. Например, вы, Этель, — пример добродетели в чести, храбрости и преданности. Может быть, кто-то дал мудрый совет другому, как лучше устроить жизнь; возможно, подсказал новые идеи или изменил прежние. На протяжении жизни мы боролись с бесчестием и разоблачали зло. Однако больше всего я надеюсь, что мы оставим миру самый ценный дар — любовь к другим, дабы они, как и мы, могли также любить и наполнить будущее любовью Подателя всех прекрасных даров.

Этель молчала. Она никогда не задумывалась о своей жизни: все годы женщина служила великой графине и ее семье. Она улыбнулась, внезапно заинтересовавшись, какую же ценность составляет ее жизнь.

Джон д'Эрли был в слезах:

— Прекрасная леди, вы заставляете нас плакать и трепетать в надежде. Неужели мы оставим после себя такие дары? Ведь именно вы...

— Ах, нет, сэр Джон, — возразила Изабель. — Нет. Это — вы, Джон, и вы, моя дорогая Этель, и вы, сэр Твигадарн. Именно вы смело служили делу добра. Это также мой любимый муж, наши десять детей, круг рыцарей, добрых людей, которые пришли и ушли на моем веку. Большинство из вас служили мне добродетелью на протяжении всей моей жизни.

НЕБЕСНЫЕ МЕЧИ

Все молча слушали лепет волн Темзы, приятный щебет птиц и шелест листьев. Пара лебедей проплыла перед ними, а Изабель улыбнулась. Она сделала глоток сидра и достала конфеты.

— Простите меня за нахлынувшую печаль.

— Все, что пожелаете, моя леди, — ответил Джон.

— Выслушайте меня. Я хотела бы посвятить этот день воспоминаниям о былом. Мы столько пережили вместе. Наши жизни переплетены, как ветви на том дереве. Что забыл один — помнит другой. Давайте отправимся в прошлое.

Голос Изабель звучал бодро и был полон надежды.

Джон и Этель кивнули. Разве они могли отказаться от такого приятного приглашения? Им тоже хотелось отправиться в плавание по огромному океану прошлого.

— Да, миледи, произнесли они хором. Твигадарн улыбнулся.

— *Gu dearba* — конечно, — добавил он. Леди Изабель захлопала в ладоши от радости и передала корзину сладостей.

— Итак, сэра Джон, моя Этель, сэра Твигадарн, давайте предадимся воспоминаниям.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТЬ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
I. ЛУГ ВОСПОМИНАНИЙ	13
II. КОРОЛЬ, ПРИНЦ И ДЖЕНТЛЬМЕН	37
III. РОЖДЕСТВО И МЕЧТЫ	57
IV. КОРОЛЕВСКИЙ СЮРПРИЗ	75
V. ПОДСМАТРИВАНИЕ, ПРОКЛЯТИЕ И ДАР	91
VI. ПРОЩАНИЕ С КОРОЛЕМ	109
VII. ЗА БОГА, ЛОРДА УИЛЬЯМА И ЕГО СУПРУГУ	127
VIII. ПРИКЛЮЧЕНИЕ И ИСПУГ	145
IX. СЭР ДЖОН, КАРЛИК И ПУТЕШЕСТВИЕ	161
X. НОРМАНДИЯ	177
XI. К ОРУЖИЮ!	193
XII. ГИГАНТ И НОВЫЙ КОРОЛЬ	209
XIII. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПИР	227
XIV. ДОМОЙ В ИРЛАНДИЮ	245
XV. НЕПРИЯТНОСТИ	263
XVI. МУЖЕСТВО В ЗАМКЕ КИЛКЕННИ	279
XVII. ДВА ТИРАНА	295
XVIII. ДАВЛЕНИЕ БАРОНОВ	331
XIX. MAGNA CARTA	327
XX. SAOÍDH NA AIRC	345
XXI. ВТОРЖЕНИЕ	361
XXII. ПЕРСИКИ, СИДР И ПРАВИТЕЛЬ	377
XXIII. МЕЧИ НА ЛИНКОЛЬН	393
XXIV. МУДРАЯ, БЛАГОРОДНАЯ И ПРЕКРАСНАЯ ИЗABELЬ	407
ЭПИЛОГ	421